

УДК 72.03 : 821.161.1

Стеклова Ирина Алексеевнакандидат искусствоведения, доцент
Пензенского государственного университета
архитектуры и строительства**ИСТОРИЗМ АРХИТЕКТУРЫ
В РАЗРЕШЕНИЯХ
И УМОЛЧАНИЯХ ПУШКИНА****Аннотация:**

Рассмотрена проблема стабилизации смыслов русской архитектуры в первой половине XIX в. под влиянием художественной литературы. Взаимосвязь архитектурного объекта и его вербального образа рассмотрена с двух сторон: когда свойства объекта переносятся в сферу универсальных ценностей бытия, и когда архитектурная лексика привлекается в качестве метафор, транслирующих самую разную информацию. Исследование осуществлено на пересечении культурологической, философской и искусствоведческой проблематики.

Ключевые слова:

историзм архитектуры, семантика архитектуры, Пушкин, поэзия, архитектурное пространство.

Steklova Irina AlekseevnaPhD in History of Arts, Assistant Professor,
Penza State University of
Architecture and Construction**HISTORICISM OF ARCHITECTURE
IN THE APPROBATIONS
AND SUPPRESSIONS OF PUSHKIN****Summary:**

The article deals with a problem of stabilization of the Russian architecture meanings in the early 19th century under the impact of the literature. The correlation of the architectural object and its verbal image is considered from different sides: when the object's features are transferred to the universal values sphere, and when the architectural vocabulary is used as metaphors expressing some information. The research is carried out at the intersection of cultural science, art history and philosophy.

Keywords:

historicism of architecture, semantics of architecture, Pushkin, poetry, architectural space.

Ощущение параллельности искусства Пушкина и петербургского взлета в русском зодчестве проскальзывает у многих исследователей, подталкивая к предположению взаимной связи между двумя несомненными вершинами русской культуры. А.А. Ахматова, например, вспоминала так: «Примерно с середины двадцатых годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина» [1, с. 30]. Речь – не о сюжетно обусловленных вставках поэта, а о сверхъёмком предмете, изначально и периодически привлекавшемся и осмыслявшемся, к тому же, как минимум раз непревзойденно воспетом. Архитектурное пространство, предъявленное крупным планом в поэме «Медный всадник», самоценно и резонансно настолько, что указывает на менее выдвинутые в других произведениях подобию, фоны, боковые детали, символы. Их смысловая напряженность представляет интерес хотя бы потому, что предшествует или наследует паре стихов, за каждым словом и порядком слов которых стоит не просто отсылающий к античности троп, но конкретные природно-географические, исторические, архитектурно-стилистические обстоятельства:

И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен [2].

Видимо, для обобщения умозрительных построений архитектурного пространства Петербурга в стремительных описаниях и косвенных упоминаниях поэта, не замечаемых особо ни во время чтения, ни после, требуется целенаправленное балансирование между архитектурно-композиционным и филологически-философским анализом, точнее, между фрагментарной реконструкцией исторического облика Петербурга 1811–1837 гг. и выявлением смыслов архитектуры города в контурах пушкинских текстов. При этом искусственно замкнуть (равно, напрячь) себя кругозором, свойственным ровесникам поэта, – не лучший выбор стратегии на пути к поставленной цели. Вряд ли разумно пренебрегать полнотой осознания уникальной в русской культуре художественности, которая с годами только прибывает. Ведь несмотря на то, что одни прописанные смысловые нюансы были потеряны уже ближайшими потомками их первооткрывателей, другие прочитываются все более глубоко и тонко. Согласно этому, придется рассматривать понятия, привязанные к архитектуре, а также допуски умолчаний вокруг нее – и лично Пушкина, и его эпохи, озабоченной сбором разнообразных памятных свидетельств в общую историю страны. Настоящая проблема – в этике этих умолчаний, в запретах и разрешениях во-

круг того, что не было проговорено автором буквально, но просматривается в его собственной полемической практике.

Каждая позиция поэта в том или ином журнальном споре была профессионально мотивирована, имела цель и оговоренные условия поставленной задачи, например: *«Если вместо формы стихотворения будем брать за основание только дух, в котором оно писано, то никогда не выпутаемся из определений»* [3]. Находясь в стороне от теоретизирования, систематического умонастроения, Пушкин оставил множество фрагментов аналитического характера, и давал их с определенной этической дистанции, совсем не избегая гибких обобщений, но и не укладываясь в упрощающий схематизм, навязываемый примитивными стандартами стилистических размежеваний. Может, потому что сам, по мнению В.С. Непомнящего, противостоял и «противостоит попыткам подключить его, хоть каким-то боком, к любой внешней по отношению к нему художественной типологии. Он существует целиком; он сам есть типология, и притом необычайно широкая» [4, с. 124].

Фактор глубокого исследовательского проникновения присутствовал и в художественной работе Пушкина. Здесь ему пригодились не только личностные задатки и эрудиция, но и свободное владение нелегальным сослагательным наклоном – в сомнительных альтернативах, гипотетических наступлениях и отступлениях, импровизациях причинно-следственной логики случившегося и т.п. Все это оказалось эффективным настолько, что частная трактовка родной истории с нескрываемыми симпатиями автора в «Полтаве», «Борисе Годунове», «Капитанской дочке» и т.д. была присвоена русским сознанием неотторжимо, вопреки массиву научно доказанных опровержений. Ведь сама вариативная предрасположенность событий является фактом исторического порождения, и, значит, допуск того или иного поворота событий оправдан и даже неизбежен: *«Не говорите: "Иначе нельзя было быть". Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая – мощного, мгновенного орудия провидения»* [5].

Видимо, разбираться в пушкинском восприятии архитектуры позволительно лишь в установках и допусках самого поэта и, как минимум, в треугольнике позиций – заложенных когда-то и считаваемых ныне понятий (с накопленным между ними семантическим интервалом), а также в предметности признанных ценностей архитектурного пространства. При этом, чтобы не уклониться от оригинала, нужно постоянно соотноситься с целостностью пушкинского творчества и многоголосьем культуры его времени, а также с обретенным и обновляемым знанием о том и о другом:

По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся... [6]

Самые добросовестные попытки исчерпания смыслов архитектуры ограничены по определению как эхо безмолвия, своевольное оглашение полнейшей тишины. Но все-таки заманчиво обратиться за этим к автору, который сознательно ни к чему подобному не стремился, но явил и являет эталон словесной выразительности по-русски. Разумеется, А.С. Пушкин не был выдающимся знатоком зодчества, не занимался его системной рефлексией, не различал специальных вопросов и т.п. Но есть мотивы, метафоры и метонимии глубже любых систематических рациональных обобщений, а также слог, способствующий передаче информации одними обертонами. Поэт был причастен к архитектуре не многим более других представителей современной ему культурной элиты России, только в силу совпадения энциклопедической образованности, абсолютного художественного вкуса, внутренней свободы и непревзойденного таланта именно ему удалось затронуть те сущностные смыслы, что обеспечивают приближение к многомерности этого феномена:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам [7].

Пушкин просветил насквозь тот монолит русского языка, в котором спрессованы базовые ценности, модели, архетипические национально-культурные представления: *«Климат, образ*

правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [8]. Свернутую у каждого народа сеть устойчивых ассоциаций, смыслов, образов предстояло убедительно для всех расправить, натянуть, озвучить. Например, определить символические пределы русской ментальности в словосочетаниях «родное пепелище» и «отеческие гробы», воспринимающихся как откровение начал и концов земной жизни «не столько разумом, сколько всем опытом нашей культуры» [9, с. 125], потому и не поддающихся буквальному переводу на другие языки. А в глубинах этого опыта – расплывчатые контуры родового дома и старого кладбища, в которых, тем не менее, проглядывают вполне четкие, узнаваемые архитектурные традиции. В общем-то никому из соотечественников не нужны дополнительные истолкования к виду среднепересеченного ландшафта с речкой, которая «извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезьями» [10].

Истинный вкус, что «состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [11], рассматривался поэтом конструктивно, как предпосылка гармонии не только в литературном материале. Он не сомневался в реальном, а значит, консолидирующем «основании красоты». Состояния соразмерности и сообразности при всей их подвижности, изменчивости, относительности, объективны и абсолютны хотя бы на мгновение как весть о высшем порядке вещей в мире. В трансляции чуткого проводника они равно убедительны, проступая и в тусклых ландшафтах с ампирическими усадьбами, и в бесконечных панорамах Невы с неизменным ориентиром колокольни Петропавловской крепости – везде, где выявлены соразмерность и сообразность как формальные и сущностные признаки этого порядка.

Вспоминая одного романиста, приблизившего англичан к самоощущению всего лишь мига их физической природы, Пушкин воскликнул: «Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б» [12], не задумываясь при этом, что восприятие мира у русскоязычной публики перенаправляется им самим и куда как более широким фронтом. Элементы архитектурного пространства у поэта настолько органичны, что и не осмысляются специально, рационально, прагматически, пропускаясь через читателя, как и в реальной жизни, чувственно. Из конкретных объемно-планировочных решений, композиционно-стилистических особенностей, форм, деталей столицы создавались лирические, эпические, реалистические варианты среды, которая всячески способствовала раскрытию их темперамента или, напротив, поглощению индивидуальности.

Пушкин – крупнейший интеллеktуал и эстет, персонифицировавший эпоху претворения самых грандиозных в России архитектурных проектов. Новые смыслы, привнесенные им в интерпретацию архитектурного пространства, актуальны и для осознания беспредельности архитектурной профессии, и для приближения сограждан к гуманистической целостности культуры.

Ссылки:

1. Герштейн Э.Г., Вацуро В.Э., Заметки А.А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1970 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л., 1972.
2. Пушкин А.С. Медный всадник // Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 4. С. 279.
3. Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической // Полн. собр. соч. ... Т. 7. С. 279.
4. Непомнящий В.Я. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999.
5. Пушкин А.С. Второй том «Истории русского народа» Полевого // Полн. собр. соч. ... Т. 7. С. 100.
6. Пушкин А.С. Медный всадник ... С. 275.
7. Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам // Полн. собр. соч. ... Т. 3. С. 203.
8. Пушкин А.С. О народности в литературе // Полн. собр. соч. ... Т. 7. С. 29.
9. Соболевская Н.Н. Ты, в ком поселился Гений... // Сибирская пушкинистика сегодня: сб. науч. ст. Новосибирск, 2000.
10. Пушкин А.С. Дубровский // Полн. собр. соч. ... Т. 6. С. 157.
11. Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Полн. собр. соч. ... Т. 7. С. 38.
12. Там же.